

Геннадий И Дмитриев

НАСТОЯЩАЯ РАБОТА СМЕЛЫХ МУЖЧИН

Часть первая. Город призраков

Геннадий Иванович Дмитриев
Настоящая работа
смелых мужчин. Часть
первая. Город призраков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42924082

ISBN 9785005000866

Аннотация

В клинике психологической реабилитации происходят странные, не поддающиеся разумному объяснению вещи. Под вывеской медицинского учреждения тайная лаборатория проводит исследования, начатые еще в нацистской Германии, – производство биороботов, обладающих способностями выполнять сложную, требующую высокой квалификации, работу, но лишенных каких-либо личностных качеств. Четверо друзей вступают в борьбу за торжество истины и справедливости.

Содержание

Катастрофа	5
Город призраков	20
Безумный мир	32
Время потерянных истин	40
Искушение ангела смерти	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

**Настоящая работа
смелых мужчин
Часть первая.
Город призраков**

**Геннадий Иванович
Дмитриев**

*Посвящается памяти моего брата, Евгения
Дмитриевича Каплушенко, сотрудника Одесского
аэропорта*

© Геннадий Иванович Дмитриев, 2019

ISBN 978-5-0050-0086-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-0087-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Катастрофа

Она смотрела на меня сквозь стекло, забрызганное дождем, смотрела грустным, туманным взором. То ли слезинка, то ли капелька дождя блестела на ее щеке. Потом она повернулась и пошла, остановилась, обернулась, последний раз взглянула на меня, и навсегда растаяла в тумане осенней ночи. Она была одета в красное платье с отложным воротником, на шее белый шарф, на голове красная шляпа.

Я проснулся. Видимо, это был сон. Странный, нелепый сон. Но женщина в красном казалась мне удивительно знакомой. Где-то, когда-то я уже встречал ее, или видел во сне, или в кино, или в какой-то другой жизни. Я встал, подошел к окну. Шел дождь, мелкий холодный дождь. Ветер бил по стеклу, раскачивая одинокий фонарь на столбе. «Куда же она пошла, в легком летнем платье в такую погоду?» – подумал я. Бред. Посмотрел на часы, —десять минут пятого. «Ладно, все равно пора вставать». Я поставил чайник, приготовил кофе и стал собираться на аэродром.

Мне предстояло на тяжелом транспортном самолете, предназначенном для перевозки военной техники и десанта, вывозить семьи военнослужащих с территории, которая когда-то считалась своей. Армия уходила. Уходила с дальних рубежей нашей, некогда могучей Родины. Армия, не побежденная в войне, не проигравшая сражение, но предан-

ная дипломатами, политиками и бывшим руководством бывшей страны, отступала. Отступала, бросая военное имущество, технику и вооружение, личные вещи офицеров и членов их семей. Брали только самое необходимое. Уходили, чтобы потом, вместе с семьями, долгие месяцы жить в холодных армейских палатках посреди полей. Страна, растеряв часть территорий, просто не знала, что делать с людьми, которые когда-то давали присягу защищать эти территории до последней капли крови. Теперь они просто стали не нужны ни стране, ни армии, ни народу. Те, с кем еще недавно мирно жили по соседству, помогая друг другу, с кем не раз делили пищу и кров, чьи отца и деды вместе с нашими отцами и дедами в одних окопах воевали в Отечественную войну, теперь толпами бродили вокруг военных городков и кричали: «Русские, убирайтесь домой!»

Аэродром просыпался после тревожной, беспокойной ночи. Шел дождь. Капли его возникали из тьмы и, на мгновение блеснув в свете прожекторов, снова исчезали во тьме, чтобы упав на бетон, вскрикнуть и умереть. И этот крик умирающих капель сливался в сплошной непрерывный гул. Но вот, сквозь шум дождя донеслось ворчание мотора топливозаправщика. Рассекая фарами тьму, он медленно пополз по мокрому бетону в сторону стоянок. Прикрываясь от дождя воротниками курток, к самолетам шли люди. Раздавались голоса, звуки команд и рев моторов аэродромной техники. Потом все это: и шум дождя, и голоса людей, и зву-

ки моторов – потонуло в гуде запускающихся двигателей самолетов.

Есть особая прелесть в суеде просыпающегося аэродрома, несравнимая ни с чем, разве что, с пробуждающимся морским портом. Но сегодня все казалось мрачным и унылым. Низкие осенние облака, мелкий дождь, пронизывающий сырой ветер усиливали чувство безысходности и осознание собственного бессилия, беспомощности. Земля, которую мы должны были защищать, нас отвергла. Небо, наша стихия, нас не пускало. Оно заволокло аэродром тяжелыми тучами, занавесило горизонт косыми дождями и, казалось, рассвет никогда не наступит.

Я смотрел, как женщины, дети и старики грузились в самолет. Это были семьи военнослужащих. Сами офицеры и прапорщики еще оставались в военном городке, чтобы вскоре тоже покинуть его навсегда. Когда-то они отправлялись в отпуска на комфортабельных авиалайнерах, а теперь их поглощал грузовой отсек Ил-76-го, пропахший маслом и керосином, где вместо уютных кресел располагались лишь откидные сидения для десанта. Я смотрел и думал, почему так случилось. Почему эта огромная, непобедимая страна, страна, выигравшая страшную войну, выжившая в послевоенную разруху, создавшая самую мощную в мире армию, первая, освоившая космос великая держава, вдруг рухнула, рассыпалась как карточный домик? Гитлер считал, Советский Союз «колоссом на глиняных ногах», стоит начать

войну, и все народы, живущие на этой огромной территории, встанут против «коммунистической диктатуры», и Союз рассыплется в прах. Но этого не случилось, все народы, плечом к плечу поднялись против общего врага и победили. Так что же случилось теперь? В чем был просчет, в чем ошибка? Мысли не давали покоя. Ответа не было.

В авиации есть понятие: «минимум погоды». Это такие погодные условия: горизонтальная и вертикальная видимость, сила и направление ветра, при которых еще можно взлететь или сесть. Существует минимум погоды для каждого типа самолета и для конкретного экипажа. Сейчас и был тот самый минимум погоды, что требовало от экипажа максимальной сосредоточенности и напряжения всех сил. Обстановка осложнялась особенностями аэродрома. Расположен он в горах на высоте 820 метров в долине между двумя горными хребтами. Справа от взлетно-посадочной полосы хребет поднимался до высоты 1860 метров, а слева до 1210. Сразу же за полосой горное озеро. Поэтому радиостанции дальнего и ближнего привода¹ находятся только со стороны долины с посадочным курсом 120 градусов. Только с этим курсом обеспечивает посадку и курсоглиссадная система.

Мы вырулили на исполнительный старт². Самолет развер-

---

¹ Радиостанции дальнего и ближнего привода (приводные радиостанции) – радиотехнические средства навигации, помогающие пилоту посадить самолет в условиях ограниченной видимости.

² Исполнительный старт – положение самолета на взлетно-посадочной полосе в готовности к взлету.

нулся по оси взлетно-посадочной полосы, огни которой уходили вдаль, растворяясь в утреннем тумане, и замер в ожидании. Сейчас прозвучит привычная команда руководителя полетов: «Взлет разрешаю», двигатели взревут, набирая полную мощность, и мы уйдем в темноту, оставляя эту землю, эти горы и этот народ, которому мы больше не нужны, оставляя вопросы, на которые никто нам не даст ответ.

«Читай молитву!» – говорю я бортрадисту. «Молитвой» пилоты называют карту контрольных проверок. Современный самолет – весьма сложная система, хотя каждый член экипажа много раз делал проверки на каждом этапе полета, и помнит их наизусть, на память надеяться не положено, слишком дорого может обойтись забытый переключатель, не правильное положение закрылок и прочее.

– Карта выполнена, все графы зашторены, – доложил бортрадист.

– Всем взлетный³!

– Двигатели на взлетном, параметры в норме.

– Экипаж, взлетаем, рубеж 210!

Я отпустил тормоза, и самолет медленно, не спеша начал разбег. Огни полосы все быстрее уходили под крыло. Они возникали из тумана и, сливаясь в светящиеся линии, исчезали во тьме. Штурман отсчитывал скорость.

– Рубеж!

– Взлет продолжаем!

---

³ Взлетный режим – максимальная мощность двигателей.

Если самолет не наберет скорости рубежа за определенное время, то взлет прекращают, может не хватить длины полосы. Но пока все нормально.

– Подъем!

Я потянул штурвал на себя, и тяжелая машина, подняв нос, продолжала разбег. Еще, еще, еще немного. Самолет оторвался от полосы, зарываясь в низкие, тяжелые облака. Не видно ни земли, ни неба, и только стрелки приборов показывают положение самолета в пространстве.

Мы покидаем этот аэродром, эту землю и уходим в темное дождливое утро, веря в то, что там, за облаками нас встретят первые лучи восходящего солнца. Что все изменится к лучшему, как всходит солнце после дождливой ночи, как приходит весна после холодной, тяжелой зимы. Ни пассажиры этого самолета, ни члены экипажа еще не знали, что рассвет для них уже никогда не наступит.

Еще не зажглось тревожное табло на приборной доске, еще не было доклада бортинженера, но я уже понял, почувствовал каким-то чутьем – что-то не так, что-то изменилось в равномерном гуле моторов. В стройный звук оркестра вкралась фальшивая нота. Оборванная струна исказила аккорд.

«Пожар, внимание, пожар!» – прозвучал голос автомата. На приборной доске замигало табло, зажглась желтая лампочка над переключателем системы тушения.

– Пожар в гондоле первого двигателя! – крикнул инженер.

– Выключить двигатель, включить огнетушитель!

На самолете установлено три очереди системы тушения пожара, первая срабатывает автоматически, если это не помогает, то бортинженер включает остальные. Но потушить пожар не удалось.

Все, что могли – сделали. Осталось доложить на землю и заходить на посадку. Руководитель полетов дал распоряжение заходить с правым кругом. Разворот в сторону неработающих двигателей опасен возможностью срыва в штопор. Но, в принципе, развернуться можно в любую сторону, с креном не более 15 градусов.

Высота гор справа на 650 метров больше. Придется набрать большую высоту и выполнить третий разворот на значительно большем удалении от аэродрома. Потеря времени. Нам его отпущено и так слишком мало. И разворот в сторону работающих моторов выполняется дольше. Я принял решение заходить с левым кругом⁴, принимая все меры предосторожности, и доложил руководителю полетов. Быстрее всего было бы развернуться на 180 градусов и сесть обратным курсом, но курс 300, обратный взлетному, не обеспечен радионавигационными средствами. Вслепую мы этим курсом не сядем.

– Спокойно, ребята, все нормально, выполняем первый разворот влево, закрылки не трогать, режим номинальный!

---

⁴ Аэродромный круг – прямоугольный маршрут полета, состоящий из четырех разворотов, применяется при заходе на посадку.

При пожаре уже нельзя изменять положение закрылок, они могут не убратся или не выйти на стороне горящего двигателя, и тогда будет трудно, а может и невозможно удержать самолет. Переходим в горизонтальный полет и выполняем второй разворот. Теперь мы летим параллельно взлетно-посадочной полосе. Не видно ни земли, ни неба. Там, внизу горы, но их тоже не видно. Где-то вверху, за облаками, блекнут звезды, светлеет небо, наступает рассвет. А у нас ночь, и уже не долететь, не дотянуть, не дожить до рассвета. Когда-то в детстве я видел, как под куполом цирка канатоходец шел с завязанными глазами. Все с замиранием смотрели на него, стараясь не дышать, ни проронить звука. Каждый шаг – это шаг в неизвестность. Вот он покачнулся и замер. Шаг, еще шаг, еще. Вести самолет с отказавшим двигателем в сплошных облаках – это все равно, что идти по канату с завязанными глазами. Небольшой крен вправо, в сторону работающих двигателей, и шаг за шагом вперед. Но нельзя остановиться и замереть, только вперед.

Посмотрите, вот он без страховки идет,
Чуть правее наклон, упадет, пропадет,
Чуть левее наклон, и его не спасти,
Но замрите, ему остается пройти
Всего три четверти пути!

Три четверти пути. По прямой до траверза⁵ дальнего привода, когда стрелка радиокompаса покажет 270 градусов, потом выпустить шасси, и дальше до третьего разворота. Когда окажемся на высоте точки входа в глиссаду⁶, еще немного и третий разворот. Потом до четвертого разворота, четвертый разворот и по глиссаде на посадку. Как много, как много еще осталось пройти! А пламя вырывается из двигателя, лижет плоскость, оно разгорается все больше и больше. Оно сжигает крыло и последние минуты жизни. Успеем ли?

– Командир, траверз дальнего!

– Шасси выпустить!

– Шасси выпущены, три зеленых горят.

– Увеличить режим!

Нужно увеличить мощность двигателей, скомпенсировать дополнительное сопротивление, выпущенного шасси. Хватит ли мощности? Хватило. Скорость не падает, идем по горизонту.

– Выполняем третий разворот!

– Командир, рано! Мы выше точки входа в глиссаду⁷!

– Потом будет поздно! Разворачиваемся со снижением!

Следи за высотой!

Снижаться можно было только после четвертого разворота, когда окажемся над долиной, сейчас под нами гор-

---

⁵ Траверз – направление на ориентир 90 градусов относительно линии пути.

⁶ Глиссада – траектория снижения самолета при заходе на посадку.

⁷ Точка входа в глиссаду – начало снижения при заходе на посадку.

ный хребет. Но успеем ли мы пройти нужное расстояние? Слишком мало отпущено времени. Сколько, не знает никто. Сколько еще выдержит обожженный пламенем металл? Когда доберется огонь то топливных баков? Разворот со снижением. Радиовысотомер показывает нам расстояние до земли. Бортинженер держит руку на рычагах управления двигателями, чтобы при сигнале «опасно земля» увеличить режим до взлетного и уйти вверх.

– Командир, начинаем четвертый, снижение 7 метров⁸!

Начинаю выполнять четвертый разворот, еще немного и мы на прямой перед взлетно-посадочной полосой.

– Выводи! выводи! командир, выводи из разворота! Да выводи же ты...! Твою ...! Это кричит штурман, пора выводит самолет на посадочный курс. Но я не могу ничего сделать. Самолет не выходит. Крен растет. Тряска. Вибрация. До хруста костей сжимаю штурвал. Тяну на себя, вправо. Правую ногу до отказа вперед! Самолет не реагирует. Он провалился. Растет левый крен. Сожженный пламенем пожара металл не выдержал. Крыло отломилось вместе с двигателем. Все. Конец. Крик ужаса застыл в горле.

Я не видел, что делалось в грузовом отсеке, где на боковых скамейках для десантников и просто на полу, на брезенте ютились пассажиры. Не видел искаженных ужасом лиц, не слышал предсмертных криков: «Спасите!», обращен-

---

⁸ Скорость снижения 7 метров в секунду, нормальная скорость снижения при заходе на посадку не более 5 метров в секунду.

ных, скорее всего, к Господу Богу – больше их никто уже не мог бы спасти. Но каждую ночь, с той поры, я вижу их во сне, слышу их предсмертные крики, ощущаю ужас последних секунд жизни беззащитных людей в объятном пламенем самолете, камнем идущим к земле. И спокойный бездушный голос автомата: «Велик левый крен, велик левый крен». Голос был спокоен и чист, без надрыва, без хрипа, мелодичный женский голос, зачитавший нам приговор. Сквозь боль, отчаянье и ужас этот голос звучал как голос ангела смерти, того единственного, кто знает истину. Знает, что все тленно на этой земле, и оставшиеся в живых ненадолго переживут нас, голос, зовущий в вечность.

И тут я снова увидел ее, эту женщину в красном. Она смотрела на меня сквозь стекло кабины, смотрела долгим печальным взглядом. Слезинка дождя скатилась по ее щеке. Потом она повернулась и ушла, растаяв в тумане хмурого осеннего утра. Я хотел закричать, удержать, остановить ее! Но не смог. Она ушла. Все кончилось.

Когда я очнулся, увидел над собой белый потолок, стены, выкрашенные зеленой краской и окно с пожелтевшими занавесками. Вероятно, палата госпиталя. Передо мной мелькают какие-то лица, со мной что-то делают. Но я ничего не чувствую. Никого не слышу. Лишь один голос звучит в моих ушах. Спокойный голос автомата: «Велик левый крен».

Потом мне рассказали: я единственный, кто остался в живых. Самолет не врезался в землю, а упал на горный склон.

Он скользил, ломая деревья и разваливаясь на части. Пилотская кабина оторвалась от фюзеляжа, покатила по склону, меня выбросило. Топливо вылилось из разрушенных баков и вспыхнуло, все, кто еще оставался в живых, сгорели в пламени пожара. Я оказался на значительном расстоянии от огня, и выжил. Нашли меня не сразу, через сутки. Уже никто не надеялся, что кто-нибудь уцелеет. Собирали трупы, фрагменты тел. Меня положили на землю рядом с обгоревшими телами, кто-то неосторожно наступил мне на ногу, и я застыл.

Не знаю, сколько времени находился я без сознания, не помню, когда мне разрешили вставать и ходить по палате. Приходили какие-то люди, возможно, это были друзья, сослуживцы, члены комиссии по расследованию происшествия, но я никого не узнавал. Меня спрашивали о чем-то, я что-то отвечал, не придавая никакого значения ни вопросам, ни ответам.

Ночью пытался уснуть, мне кололи какие-то лекарства, но как только я засыпал, тут же просыпался от кошмарного сна, который снится мне до сих пор. Каждую ночь я вижу людей, охваченных предсмертным ужасом в объятном пламени самолета, слышу их крики, вопли о помощи и спасении. Вижу, как мать прижимает к своей груди ребенка, как старик в предсмертной молитве поднимает руки к небесам, слышу, плывущий над всем этим ужасом спокойный голос ангела смерти: «Велик левый крен». Просыпаюсь, до утра хожу

по комнате и думаю, думаю только об одном. Воспроизвожу в памяти каждую секунду полета, и ищу, ищу решение.

Кажется, я схожу с ума, а может быть, это уже произошло, это обычное мое состояние. Но, Боже мой! Как это больно, как мучительно, когда сходишь с ума. Когда в горячечном бреде ищешь решение, но знаешь, знаешь заранее – правильного решения нет! А если оно и существует, то все равно ничего уже нельзя изменить, нельзя вернуться в прошлое и исправить какую-то ошибку, нельзя вернуть к жизни тех людей, что погибли в горящем самолете.

Когда расследование было закончено, я узнал, что меня ни в чем не обвиняют. «Действия командира и экипажа признаны правильными» – так значилось в акте комиссии. На что я, кажется, ответил, что правильные действия не приводят к катастрофе. Меня успокаивали, говорили, что бывают обстоятельства выше нас, сильнее наших возможностей, но от этого легче не становилось. Как не будет легче родственникам погибших, матерям, потерявшим детей, детям, потерявшим родителей, семьям, потерявшим близких. За какие грехи Господь так наказал меня? Для чего он сохранил мне жизнь? Чтобы мои друзья, родственники погибших отворачивались при встрече со мной? Чтобы в ушах вечным упреком звучали последние слова автомата: «велик левый крен»?

Я жив, и со здоровьем все нормально. Я летчик, и умею только летать. Ничего другого не умею, да и не хочу. Любая

комиссия признает меня годным к летной работе, но кто теперь доверит мне штурвал? Нет, я уже не летчик, я когда-то был им, а теперь остался только психически сломленный человек с навязчивой идеей – найти правильное решение и вернуть ушедшее время. Но этого сделать уже невозможно, никогда.

Я служил в группе Советских войск в Германии, и когда пришла пора замены, мне предложили Дальний восток, незаменяемый район. Офицеров, которым приходится служить в отдаленных районах с тяжелыми климатическими условиями, через определенное время переводят в более привлекательные места, поближе к центру. Это, так называемые, «заменяемые районы».

Остальные – «незаменяемые», служи до хоть пенсии, если благоприятный случай не изменит твою судьбу. Но, поскольку климатические зоны не имеют четких границ, а чиновникам из Министерства обороны нужно каким-то образом границы эти обозначить, то бывает, что находятся рядом две войсковые части, офицеры даже обедают в одной столовой, но один район считается заменяемым, а другой – нет. Вот, один из таких, незаменяемых, районов мне и предложили. Я отказался, и попал сюда.

Если бы я тогда согласился! Не было бы этого полета, и все были бы живы. Но я отказался. Я очутился в этом тихом, спокойном южном городке, где тогда никто не стрелял, все жили мирно, дружно и счастливо. Ели шашлыки, пили кав-

казское вино, и не знали, что все это скоро кончится. Если бы Горбачев не пришел к власти, если бы... Да что толку в этих бесконечных «если бы». Случилось то, что случилось, и исправить это уже никак нельзя.

А если вдуматься, то не так и счастливо мы жили тогда. Я летал в Афганистан, возил гробы на «черном тюльпане», как окрестили тогда самолет с «грузом двести». Я видел лица матерей, чьих сыновей я привозил в цинковых гробах. Они не плакали. Они уже выплакали все слезы. Они смотрели на меня так, как будто бы это я посылал их сыновей на войну. Они не прощали нас. Однажды меня сбили ракетой, но я сумел посадить самолет с горящим мотором, тогда я думал, что все могу. И кто же мог предположить, что разлетевшийся подшипник двигателя и лопатки разрушенной турбины, перебившие топливопровод, навсегда поставят точку в моей летной биографии?

Город призраков

Я не следил за временем, находясь в госпитале, знаю только, что тот роковой полет был осенью, а сейчас за окном уже цвели вишни. В палату вошел главный врач.

– Сейчас Вы практически здоровы, – сказал он. – Мы Вас выписываем, но потребуется еще лечение, психика Ваша не совсем восстановилась после трагедии, мы направим Вас в клинику психологической реабилитации.

– Это что, сумасшедший дом?

– Да нет, что Вы! Никто не собирается определять Вас в сумасшедший дом! Это нормальная клиника, клиника доктора Вагнера, говорят, он чудеса делает!

– Доктор Вагнер, он что, немец?

– Из русских немцев, предки его еще при Петре приехали, его прапрадед был лекарем при царском дворе.

«На кой черт мне какой-то доктор Вагнер с его клиникой! – подумал я. – Что он сможет вернуть время, исправить ошибку, оживить всех, кто погиб в этой катастрофе?»

– Как хотите, – ответил я, – хоть дурдом, хоть клиника, хоть тюрьма – мне все равно.

– Ну, о чем Вы говорите! О тюрьме вообще речи нет! Поймите, в происшедшем нет Вашей вины! Вас подлечат, и все еще будет хорошо!

– Нет, ничего уже не будет, все, что было хорошего, уже

было, рано или поздно все кончается. Ладно, черт с Вами, везите меня к вашему Вагнеру.

Я не помню, сколько времени меня везли и на чем, и куда. Мне тогда все было безразлично. Безразлично мне было и то, где находится эта клиника, в каком городе и в какой стране.

Меня встретила девушка из медперсонала, то ли врач, то ли медсестра, но на ней не было привычного белого халата.

– Приветствуем Вас в клинике доктора Вагнера! – сказала она заученную фразу и улыбнулась казенной улыбкой, такой улыбаются продавцы универсама, благодаря за покупку. – Я покажу Вам вашу комнату.

Здание, к которому мы подошли, ничем не напоминало больничный корпус. Скорее оно напоминало гостиницу, хотя и не очень фешенебельную. Комната располагалась на втором этаже, и вполне соответствовала номеру гостиницы среднего уровня. В номере была одна комната, ванная, туалет и небольшая прихожая. В комнате кроме кровати, стола, тумбочки и платяного шкафа, не было ничего. На тумбочке стоял телефон.

– Куда отсюда можно позвонить? – спросил я.

– Никуда, – ответила девушка. – По этому телефону можно вызвать дежурного врача, если в этом возникнет необходимость. Завтрак, обед и ужин внизу в столовой. А сейчас Вы свободны.

– А когда меня примет доктор, ведь, как я понимаю, он

должен назначить какие-то процедуры?

– Доктор Вагнер никого не принимает и никого не осматривает, да и процедур никаких не будет.

– Как? – удивился я. – Ведь должен же быть какой-то курс лечения?

– Определенного курса лечения не существует. Просто гуляйте по городу, дышите воздухом и все.

– И все?

– Да, еще можете посещать кафе, рестораны, заказывать любые блюда, платить ни за что не надо, все это входит в курс лечения, за это уже заплачено.

– И кто же оплатил мое лечение?

– Не знаю. Да это и не имеет значения.

– Ну, в чем же, собственно, это лечение или реабилитация заключается?

– Не вдавайтесь в подробности, просто отдыхайте. Свежий воздух и хороший сон – вот лучшее лечение.

Она ушла, оставив меня одного. Лежать на кровати и смотреть в потолок не хотелось. И я подумал: «А не воспользоваться ли ее предложением, не пойти ли перекусить?» До обеда еще далеко, а завтрак, судя по расписанию на стене, я уже пропустил.

Я вышел на улицу. Прохожих было немного, они шли куда-то по своим делам, но обычной городской суеты не чувствовалось. Справа от гостиницы располагался небольшой скверик с несколькими скамейками. Все скамейки пустова-

ли, лишь на одной из них сидел старик, и отрешенно смотрел на прохожих. Слева, прямо на открытом воздухе, на площадке, накрытой тентом, находилось маленькое кафе, где за столиками сидели несколько посетителей. Играла тихая музыка.

Я вошел, занял свободный столик, заказал сосиски и кружку пива. Мое внимание привлекло то, что посетители не разговаривали между собой. Лишь через два столика от меня сидели два человека, они оживленно беседовали о чем-то. Из-за музыки мне не удавалось расслышать, о чем они говорили. Они спорили, жестикулировали, явно доказывая что-то друг другу.

Было что-то необычное в этом городе, казалось, люди просто не замечали друг друга, в их лицах была какая-то отрешенность, безразличность ко всему, что происходило. Я попытался расспросить официанта, но он не разговаривал ни о чем, что выходило за рамки меню. Он не был ни вежлив, ни груб, он просто не замечал моих вопросов. Он вел себя как робот, запрограммированный на понимание определенных ключевых фраз, а на остальные просто не реагировал.

В кафе вошла молодая, прелестная женщина, но никто из посетителей даже не обернулся. На их месте любой, даже самый дремучий старик, и то бы обернулся, но не обернулся никто, ее даже и не заметили. Она подошла к моему столику и села, заказав апельсиновый сок. При этом не проронила ни одной, обычной для таких случаев фразы: «не возражаете?».

«свободно?» и тому подобное. Просто молча села, будто меня и не было.

Мне показалось, что это была она, та женщина в красном, которую я видел в бреду или во сне, по крайней мере, очень похожа на нее. То же красное платье с отложным воротником, тот же белый шарф, та же элегантная шляпка, то же лицо. Какое поразительное сходство! А может быть, я действительно схожу с ума? Она смотрела сквозь меня, прямо в мои глаза, но взгляд не останавливался на мне, а проникал куда-то вдаль, так, что невольно хотелось оглянуться.

У той женщины, призраке моих видений, был совершенно другой взгляд, другие глаза, полные боли и отчаянья. Эти же глаза не выражали ничего.

Я хотел заговорить с ней, но не решился. Ведь для нее меня не существовало, она была одна, одна в целом городе, в целом мире. Допив апельсиновый сок, она поставила стакан на стол, промокнула салфеткой губы, осторожно прикоснувшись к ним, и ушла.

Подошла к трамвайной остановке напротив кафе. На остановке стояли еще несколько человек. Приблизился трамвай. На удивление, он не снизил скорость перед остановкой. Водитель пытался затормозить, но трамвай все больше и больше набирал скорость и раскачивался. Из-под колес сыпались искры. Вот он сошел с рельс, его развернуло, и он врезался в стоящих на остановке людей. Все оборвалось у меня внутри. Я оцепенел. Эта женщина, которая только что сидела ря-

дом со мной, в одно мгновение погибла под колесами трамвая.

Я хотел побежать, закричать, позвать на помощь, но не мог двинуться с места. Станным было то, что кроме меня, никого это происшествие не удивило и не взволновало. Прохожие шли мимо, не обращая никакого внимания на лежащих рядом, на тротуаре людей, шли по своим делам, со своими бедами и печальями, даже не взглянув в сторону трамвайной остановки. Двое мужчин продолжали спорить о чем-то своем, бармен подавал напитки и закуски, все было так, будто ничего не произошло.

Вскоре подъехал кран и машина, похожая на карету скорой помощи. Трамвай подняли. Из машины вышли три человека в униформе, собрали в мешки искалеченные, бездыханные тела и погрузили их в машину. Кровь смыли, трамвай увезли. Больше ничего не напоминало о трагическом происшествии.

Я вышел из кафе и пошел по улице. Я пытался заговорить с прохожими, но они словно не замечали меня.

Думал я, что теперь не увижу я скоро
Лагереи, лагереи,
Но попал в этот пыльный, задумчивый город
Без людей, без людей,
Бродят толпы людей, на людей не похожих,
Равнодушных, слепых,
Я заглядывал в темные лица прохожих,

Ни своих, ни чужих.

В мозгу звучали строки из песни Высоцкого. На лавочке в скверике все так же сидел старик. «Не возражаете?» – спросил я и присел рядом. Старик кивнул. Он был единственный, кто хоть как-то отреагировал на мое присутствие. И тогда я решил попытаться заговорить с ним.

– Что происходит в этом городе? Почему люди не замечают друг друга? – спросил я.

– Что происходит? Да ничего не происходит, – ответил старик. – Люди, как люди, все со своими проблемами. Им просто нет дела до других.

– А это происшествие с трамваем?

– В каждом городе происходят транспортные происшествия, ну и что?

– Но ведь никто не обратил на это внимания!

– Почему, обратили, те, кому положено. Очень быстро все убрали.

– Но прохожие, они не пытались помочь. Просто проходили мимо!

– А что, если в вашем городе сойдет с рельс трамвай, полгорода сбежится посмотреть? Чего глазеть, если помочь все равно уже нельзя.

– Все равно, что-то не так в этом городе.

– Все так. Вы пытались заговорить на улице с людьми, но они не хотели говорить с Вами. Вы пока смотрите на го-

род со стороны, Вы еще не живете в нем, Вы успеете свыкнуться со всем, что тут происходит, и здешняя жизнь перестанет Вам казаться странной. Ведь если в вашем родном городе какой-то сумасшедший незнакомец попытается заговорить с Вами, будет спрашивать: «Что здесь происходит?», Вы попросту пошлете его к черту, и пойдете своей дорогой, ведь так?

– Пожалуй, что так.

– Ну вот, чему же Вы удивляетесь? Просто люди одиноки, всегда одиноки, в любом городе, в любом обществе, в любой стране. Они одиноки даже в своей семье. Муж не понимает жену, жена мужа. Родители не понимают детей, хотя считают, что только они знают, что им надо. Дети не понимают родителей, считая их слишком нудными в своих нравоучениях. Так было всегда, так есть и так будет.

– Пожалуй, все это так, но раньше я не ощущал этого.

– Раньше Вас окружали родственники, друзья. Вы думали, что понимаете их, а они Вас, но нет, вы просто привыкли друг к другу. А здесь Вы совершенно один, в чужом городе, и никому нет до Вас дела. Вы не замечали, что когда Вы приезжаете впервые в новый для Вас город, он, поначалу, всегда кажется Вам чужим и странным? Вокруг другие дома, другие люди, прохожие не так одеты, не так говорят. Но, когда Вы приезжаете туда во второй, в третий раз, Вы привыкаете.

– Вы считаете, что все дело только в привычке? Мне кажется, что люди, все-таки, стремятся понять друг друга.

– А Вы не замечали, как люди беседуют между собой? Каждый хочет сказать, но не хочет услышать. Они говорят все громче и громче, перебивают один другого, хотят быстрее рассказать, пока его не перебили.

– Воспитанные люди не перебивают собеседника, а дослушивают до конца его рассказ.

– Да, но не потому, что хотят услышать, а только потому, что воспитаны. Они соблюдают правила приличия и не больше. Все хотят поделиться своей болью, своими проблемами с кем-то, но никто не хочет воспринимать чужие проблемы как свои, никто не хочет брать на себя чужую боль, каждому достаточно своей.

Старик сидел и смотрел вдаль, во время разговора он ни разу не повернулся ко мне, а мимо шли люди со своими бедами и печалью, и им не было дела до нас, как и нам не было дела до них. В этом городе не было ни друзей, ни близких, ни даже просто знакомых.

– Но, что бы Вы ни говорили, не станете же Вы отрицать, что существует любовь, дружба, привязанность, наконец?

– Существует, но это не меняет сути дела. И в дружбе и в любви, а особенно в любви, проявляется крайняя степень эгоизма. Вы обращали внимание, как люди переживают потерю любимого человека? «Как я буду без него?» – говорят они. «Я» – вот что на первом месте! Мои чувства, моя боль, мои страдания! Люди ревнуют, даже способны убить из-за ревности. Все потому что он изменил мне. Мне! Вот

что главное! Если он любит меня, он должен думать как я, делать как я, чувствовать как я, он должен понимать меня! Но никто не желает понимать его, думать как он, чувствовать как он! Ни любовь, ни дружба, ни привязанность не меняет сущности людей. Потому люди и одиноки, одиноки везде, даже рядом с любимым человеком. Вот Вы сказали о воспитании. Воспитание лишь ставит определенные ограничения в поведении, но не меняет сущности людей.

Старик разговаривал со мной, продолжая все так же смотреть в пространство, казалось, что он вечно сидит здесь, от начала мира. Вёсны сменялись зимами, проходили года, столетия, постоянно менялся этот сумасшедший, этот безумный мир, и только старик все так же сидел на скамейке, и смотрел в пространство, будто времени не существовало для него.

Я ушел, даже не попрощавшись со стариком. Я просто знал, что сейчас нужно уйти. Все, что он говорил, казалось мне сплошным бредом. Нет, это не клиника психологической реабилитации, это сумасшедший дом, обыкновенный сумасшедший дом. Я чувствовал, что еще немного, и я окончательно сойду с ума, стану таким же, как все эти люди, безразличным, замкнутым, не видящим никого вокруг.

Я бесцельно бродил по городу, просто потому, что нужно было как-то дожить до вечера. Было невыносимо ходить по улицам и всюду наткаться на призраки тех, которые когда-то были людьми. Смотреть в пустые, невидящие глаза,

ощущать безысходность и одиночество. Я вернулся в номер, поднял трубку телефона, чтобы поговорить с дежурным врачом, но мне никто не ответил. С ужасом ждал я наступления ночи.

Ночь наступила, я пытался уснуть, но один и тот же кошмар снова мучил меня. Я видел искаженные предсмертным ужасом лица людей в горящем самолете, слышал их крики о помощи и спокойный, бездушный голос автомата: «Велик левый крен». Странно, когда падал самолет, я не мог видеть, что творилось с людьми. Может воспаленное воображение рисует мне эти картины, но я отчетливо вижу лица, каждую ночь одни и те же видения преследуют меня. Измученный мозг отчаянно ищет решение, ищет, но не находит. Мне снится, что я разворачиваю самолет на 180 градусов и сажусь обратным курсом. Еще немного, и я увижу посадочные огни. Я вижу их, но они не по курсу, а где-то в стороне. Я вижу, как горящий самолет врзается в ангары, дома, и вот уже весь аэродром объят пламенем пожара. Я просыпаюсь в холодном поту, и снова слышу голос ангела смерти: «Велик левый крен».

И тогда я понял почему. Почему эти видения каждую ночь преследуют меня. Дело не только в том, что они погибли, а в том, что я не смог их спасти. Я, пилот первого класса, выживший из разных ситуаций, проанализировав каждую, известную мне авиакатастрофу, был уверен, что со мной ничего подобного не случится. И тут я не смог, не смог по-

садить самолет с горящим мотором. Значит дело не в катастрофе, дело во мне.

Безумный мир

Было душно, я вышел на балкон. Возле балкона рос высокий пирамидальный тополь. Полная луна висела над самой его верхушкой. Светом ее был залит весь город: аллеи, скверы, крыши домов. Было что-то безумное в бледном свете полной луны. Казалось, именно она сводит с ума людей, делает их одинокими и несчастными. Лунный свет проникал в глаза, в сердце, в душу, лишал надежды и покоя. Я не смог заставить себя снова лечь в постель и попытаться уснуть. Мне было душно в этой комнате, тревожно и жутко спать при полной луне, и я вышел на улицу.

Я брел по самым темным переулкам, желая убежать, спрятаться от этого лунного, проникающего всюду света. Я оказался в каком-то узком переулке без тротуаров. Темные громады домов, без единого освещенного окна казались мертвыми. На покосившемся столбе тускло горел одинокий фонарь. В конце переулка я заметил фары автомобиля. Он двигался с большой скоростью прямо на меня. Я отошел в сторону, уступая ему дорогу. Но и автомобиль, пытаясь объехать меня, свернул в ту же сторону. Я метнулся в противоположную сторону, автомобиль тоже. Возникли, как иногда бывает, зеркальные действия водителя и пешехода. Я не мог убежать от автомобиля, а водитель не мог избежать наезда, он резко затормозил, но было поздно.

Я понял, что это конец, яркий свет фар возникал из тьмы и, заполняя собой все пространство, слепил глаза. Он проникал в зрачки, в мозг, в душу, он сжигал все мое существо. Смерть лишь на время отсрочила свой визит, оставив меня возле горящего самолета, она снова вернулась, чтобы раздавить колесами автомобиля. Видимо, это была расплата. Я ощутил страшный удар. Наступила тьма.

Проснулся я утром в своей постели. За окном пели птицы, светило солнце, я был жив, ничего не болело. Я осмотрел свое тело. Ни следов удара, ни царапин не было. Чувствовал я себя прекрасно, бодрым, отдохнувшим, хотя знал, что не спал почти всю ночь. Что это было? Сон, бред? Но я точно помню, что попал под автомобиль, я помню визг тормозов, звук удара и боль, страшную боль, пронизавшую меня. Я достал из шкафа одежду. Видимо кто-то раздел меня, а одежду аккуратно повесил в шкаф. На рубашке след от протектора, значит, автомобиль все-таки переехал меня, это был не сон и не бред – *это было*. Рубашка вконец испорчена. Я достал из чемодана другую, оделся и отправился на завтрак. Но завтрак в столовой уже закончился, я его проспал. Мне ничего не оставалось, как снова идти в кафе.

В кафе все было так же, как и вчера. Играла все та же музыка, за столиками сидели все те же посетители, и двое все так же о чем-то спорили. Чтобы спокойно поразмыслить над тем, что случилось, я заказал бутылку вина и горячий шницель. Ночное происшествие никак не укладывалось в трез-

вую голову. Я пил вино, ел шницель и думал, но никакого объяснения происшедшему придумать не мог. И тут снова появилась она, та вчерашняя женщина в красном.

Она, как и вчера, сидела за моим столиком и пила апельсиновый сок. Сегодня она жива и здорова, хотя я сам видел, как вчера она попала под трамвай. Она все так же смотрела сквозь меня куда-то вдаль, но что-то изменилось в ее взгляде. Мне показалось, что в глазах ее появилась мысль, она даже улыбнулась краешком губ. Улыбнулась не мне, она по-прежнему не замечала меня, улыбнулась чему-то своему, своим мыслям или воспоминаниям.

«Что здесь происходит?» – подумал я. Может быть, вообще ничего не происходит, и это все только сон? И авиакатастрофа, и этот город, и эта женщина – все это только снится мне. Стоит проснуться, открыть глаза и ничего этого не будет. Мне захотелось проснуться, проснуться маленьким мальчиком. Мама будет будить меня, говорить, что пора вставать, собираться в школу. Стоит только зажмуриться крепко-крепко, а затем открыть глаза, и я увижу маму, обязательно увижу. Так в детстве я верил, что стоит проснуться, открыть глаза, и все плохое пройдет.

Когда-то я случайно уронил и разбил мамину любимую чашку. Была какая-то доля секунды, когда я еще смог бы ее поймать, но я не успел. Я плакал, глядя на разбитую чашку, я хотел вернуться на несколько минут назад, что бы исправить ошибку. Но вернуться назад, и исправить ошибку было уже

невозможно. Я представлял, как расстроится мама, и плакал. Мама простила меня, и снова все стало хорошо. Сейчас упал самолет, вместе с ним разбились те, кто были в нем, и судьбы тех, кто остался жив, в том числе и моя. И уже ничего невозможно исправить. И я уже никогда не увижу маму, она умерла пять лет назад. Я даже не смог приехать на похороны. А она перед самой смертью все смотрела в окно и ждала. Я знал, что она тяжело больна, мне сообщили, о том, что жить ей осталось совсем немного. Я был далеко, очень далеко и не смог приехать сразу. А когда приехал, было уже поздно. И этого тоже нельзя уже вернуть и изменить. Она жила одна. Неверное, самое страшное одиночество – это одиночество матерей, дети которых разлетелись по свету. И они ждут, ждут их всю оставшуюся жизнь.

Женщина в красном сидела передо мной как вчера. Может быть, время возвратилось на день, чтобы дать возможность кому-то исправить ошибки прошлого? Вчера она погибла под колесами трамвая, а сегодня снова жива, может быть сегодня – это вчера? Нужно что-то сделать, чтобы сегодня не случилось того, что произошло вчера. Но что для этого нужно, заговорить с ней? Так ведь она по-прежнему не замечает моего присутствия. Сейчас она встанет и уйдет, а я останусь сидеть здесь и ничего не сделаю. Нужно что-то делать, что-то делать, но что? Вот она уже допивает апельсиновый сок, осталось совсем немного, но что, что нужно сделать? Вот она делает последний глоток, ставит стакан, вы-

тирает губы салфеткой и уходит; уходит, и идет в сторону трамвайной остановки.

Я хотел встать, закричать, позвать ее, но не смог даже пошевелиться. Я сидел и с ужасом смотрел, как стоит она на остановке, но сегодня, почему-то одна, и как неумолимо подходит трамвай. Сейчас трамвай остановиться и ничего не случится. Но он, как и вчера, не мог затормозить, он сошел с рельс и вылетел на трамвайную остановку. Женщина успела сделать шаг назад, и трамвай прошел мимо. Я не понимал, что происходит. Руки и ноги дрожали, мысли путались в голове, все казалось каким-то сплошным кошмарным сном.

Если здесь возникают какие-то петли времени, если сегодня повторяется то, что было вчера, то почему на остановке трамвая она была одна? Ведь вчера те, другие, тоже попали под трамвай? Но их нет на остановке, значит, они действительно погибли, и только она осталась жива, ее удалось спасти. Но если так, то она должна была бы еще долго находиться в больнице. Я сам видел, как ее вытаскивали из-под трамвая, синяками тут не отделаешься. Да и если бы сегодня – это вчера, то я бы не мог помнить своего ночного происшествия, ведь для меня его бы не было. Я допил бутылку вина, мысли окончательно затуманились, думать больше не хотелось, и я вернулся в номер.

Что это было за вино? На вид и на вкус белое полусладкое, ординарное вино. Но я с удивлением отметил, что ни-

как не могу вспомнить, что было написано на этикетке. Такое впечатление, что я выпил целую бочку этого вина. Голова была тяжелая и теплая, глаза закрывались, ноги стали ватными и передвигались с трудом. Я добрался до кровати и лег. Уснул я мгновенно, будто провалился в темную, мягкую бездну.

Проснулся ночью. Безумная, полная луна висела над самой верхушкой тополя. В голове было ясно и чисто, никаких следов похмелья. Что же это за вино? Сперва окосел от одной бутылки, а сейчас как будто бы и не пил ничего. И тут я с удивлением отметил, что впервые за все время после катастрофы, меня не преследовал мой ночной кошмар. Спать уже не хотелось. Я боялся, что стоит мне закрыть глаза, и я снова увижу горящий самолет и услышу голос ангела смерти. Было душно. Я оделся, вышел на улицу.

Бредя наугад, просто так, я вдруг заметил, что снова попал на ту же улицу, что и вчера. Все тот же одинокий фонарь горел на покосившемся столбе. Мне показалось, что кто-то пристально смотрит на меня из темноты, я обернулся, но никого не увидел. В конце улицы прямо на меня двигался автомобиль. Я шарахнулся в сторону, в ту же сторону метнулся и автомобиль. Все повторяется, и если я буду так метаться, то опять окажусь под колесами. Я застыл на месте. Я смотрел на автомобиль, как заяц на орла, и когда понял – водитель уже не сможет изменить направление, отскочил в сторону. Автомобиль промчался мимо меня и исчез, будто рас-

творившись в темноте ночи. Вконец обалдевший и ошарашенный стоял я посреди улицы и смотрел на одинокий фонарь. Ощущение того, что на меня смотрят, не проходило. Я внимательно огляделся, и увидел его.

Обшарпанный рыжий кот смотрел на меня из подворотни желто-зелеными глазами. «Хоть ты мне можешь сказать, что здесь происходит?» – спросил я кота. «Мяу!» – ответил кот, и скрылся в темноте. Нет, на петли времени это не похоже, вчера кота не было. Как я добрался домой, как лег спать – уже не помню. А когда проснулся, то понял, что завтрак я, как обычно, проспал. Нужно идти в кафе. А может не нужно? Черт с ним, с этим кафе, именно с него все начинается, надо как-то по-другому начать день. Но я знал, как бы я не старался, начать день по-другому я не смогу. Я оделся и не спеша поплелся в кафе. Все было как всегда. Те же посетители сидели за столиками, играла все та же тихая музыка, и все так же двое вели свой бесконечный спор, не замечая никого вокруг. Я заказал кофе и бутерброд. Помня вчерашний день, вино брать я уже не стал.

Она появилась как обычно, села за мой столик и заказала апельсиновый сок. Все так же смотрела она сквозь меня, смотрела куда-то вдаль, будто меня и не было. А может быть, меня действительно нет? Я не существую для них. Возможно, правы были и Юм, и Мах, и Авенариус, считая, что мир вокруг нас – только плод нашего воображения. Меня нет в их воображении, вот они и не видят меня. Все они настолько

одинок и несчастен, что в их воображении нет ничего, кроме их самих, собственные горести и проблемы полностью поглотили их, и ничто другое для них просто не существует. А разве мы не так живем в обычной жизни?

Женщина допила сок, поставила стакан, промокнула салфеткой губы и ушла. Она снова шла на трамвайную остановку. Что же произойдет на этот раз? Неужели этот чертов трамвай снова сойдет с рельс? Но трамвай подошел, спокойно снизил скорость и остановился. Женщина обернулась, как-то странно посмотрела в мою сторону, села в трамвай, он тронулся. Мне казалось, что на этот раз она посмотрела на меня, именно на меня, как тогда ночью перед полетом. Возникло странное ощущение, что больше я уже никогда ее не увижу.

Время потерянных истин

Допив свой остывший кофе, я встал и пошел в сторону сквера, где на скамейке все так же одиноко сидел старик. Я поздоровался с ним и сел рядом.

– Ну, как, – спросил он, – начинаете понемногу осваиваться в нашем городе?

– Скорее наоборот, начинаю понемногу сходить с ума. Для нормального человека, все происходящее здесь – сплошной бред.

– А Вы считаете себя нормальным? Напрасно. Нормальных людей вообще не существует, как и нормального мира. Нормальным мы считаем то, что видим каждый день, к чему привыкли. Мы привыкли к тому, что солнце всходит на востоке и заходит на западе, и для нас это нормально. Если вдруг произойдет наоборот, это будет ненормально. Но половина людей этого просто не заметят, не обратят внимания, и будут по-прежнему считать, что солнце всходит на востоке. Потому, что для них это нормально, к этому они привыкли, и они никогда не заметят, что на самом деле все уже изменилось, все совершенно не так.

– Я понимаю, что люди поглощены своими бедами, и не видят ничего и никого вокруг. Поначалу меня удивляли двое, которые постоянно о чем-то спорят, когда все остальные молчат. Но, видимо, их нужно воспринимать, как еди-

ное целое.

– Ну, вот, что-то Вы уже начинаете понимать. Не таким уж бредом кажется все вокруг, если вдуматься.

– Пожалуй, что так, а кто эти двое?

– А, это два капитана! Совершенно безнадежный случай.

– Два капитана? – я вдруг вспомнил роман Каверина, которым зачитывался в детстве. Прочитав его, я долго бредил авиацией, полярными трассами, и решил окончательно, что непременно стану летчиком. И вот, в результате я оказался здесь, в этом странном сумасшедшем городе.

– Нет, нет, – как будто прочитав мои мысли, возразил старик, – роман Каверина здесь совершенно ни при чем. Это капитаны двух судов, столкнувшихся при выходе из залива. Наверное, помните, это было несколько лет назад. Пассажирское судно затонуло, погибло много людей. Капитанов приговорили к длительным срокам заключения, но вскоре они сошли с ума и были определены в клинику доктора Вагнера. Каждый день они встречаются и спорят, кто кого должен был пропустить. Они ищут решение, и не находят его.

– Даже если они и найдут решение, то, что толку? Ведь вернуться в прошлое и исправить ошибку уже невозможно.

– Зато у них есть смысл жизни, у них есть дело, которым они будут заниматься до конца своих дней, не беда, что у задачи нет решения, есть процесс – а результат не важен.

– У меня такое впечатление, что мы все чем-то похожи на них. Даже там, за пределами этого города. Мы живем,

не видя цели, что-то делаем, суеتمدимся, нам кажется жизненно важным то, что по сути своей не имеет никакого значения, а то, самое главное, для чего стоит жить, мы уже давно потеряли.

– Время потерянных истин, – задумчиво произнес старик. – Такое время теперь настало для всех, живущих на земле. То, что казалось незыблемым, вечным, рушится, как песок, рассыпается, течет сквозь пальцы, и невозможно удерживать песчинки в руках. В поисках истины люди всегда обращались к Богу, но как только Бог открывал ее, всегда находились те, кто присваивал себе абсолютное право на истину, они провозглашали себя служителями Бога, и требовали от людей, чтобы люди служили им.

Три тысячи лет в древнем Египте жрецы, познав истину, решили скрыть ее от людей. Ведь Бог создал людей свободными, и если они узнают об этом, то не захотят быть рабами у жрецов. Жрецы имели власть и над фараонами, ибо человек работает на себя в меру своего знания, а в меру незнания – на того, кто знает больше. Потому жрецы и не делились знаниями даже с фараоном. Они разделили людей на господ и рабов, и хотели, чтобы так продолжалось вечно, но продолжаться вечно так не могло, и Бог открыл истину фараону, по имени Аменхотеп IV, который взял себе имя Эхнатон, и объявил людям, что во вселенной есть только один Бог – Атон. Он отстранил от власти жрецов, объявил верховным жрецом Атона себя, и запретил почитать всех прочих Бо-

гов. Высшей ценностью религии Атона была любовь, Эхнатон и его жена, красавица Нефертити, являли собой образец такой любви. Египет во времена Эхнатона не вел ни одной войны, расцвело искусство, искусство Амарнского периода.

Но знал Эхнатон, что когда он отойдет от власти, жрецы Амона уничтожат новую религию, вернут прежних богов и прежнюю власть. И он решил для спасений новой веры вынести ее за пределы Египта. Для этого выбрал он народ иудейский, который должен был принять и сохранить веру в единого Бога. Пророк из рода фараонов, по имени Ра Мо-зес, что означает дитя Солнца, должен был возглавить этот народ и вывести его в новые земли. Иудеи называли его – Моисей.

– Но, насколько мне известно, Моисей был иудеем, – возразил я. Но старик утверждал обратное, он говорил так, будто сам был свидетелем событий библейской древности. Кто знает, сколько лет прожил этот старик, над которым не властно время.

– Ветхий завет гласит, что Моисея нашла и воспитала семья фараона, но это вымысел. Царская семья никогда не стала бы воспитывать подкидыша, член царской семьи наследует власть, а власть не могут передать тому, в чьих жилах течет чужая кровь. Нет, Моисей был египтянином, он даже с трудом владел иудейским языком, и к нему был приставлен переводчик, Аарон, названный в Ветхом завете его братом, который сыграл злую роль в судьбе Моисей. К тому времени,

как вывел Моисей народ иудейский из Египта, Эхнатона уже не было среди живых. Жрецы Амона отравили его, вернули прежних богов, и извратили учение, которое Моисей должен был дать людям. Вместе с Моисеем и иудеями ушли и левиты, посвященные жрецами Амона, и лишь им одним дозволялось исполнять обязанности священников среди иудеев. Тайно сопровождал странствующий народ иудейский великий жрец Ур Табит. Он с помощью левитов подстрекал недовольных к восстанию против Моисея, участвовал в заговоре и Аарон, сделавший золотого тельца, он объявил его богом, который вывел народ иудейский из Египта, и призвал людей молиться идолу.

Моисей, вернувшись с горы Синая после молитвы, был поражен вероломством своего соратника, Аарона, восставшие убили пророка, разбили скрижали с заветами Божьими. Восстание было жестоко подавлено левитами, и место Моисея занял жрец Ур Табит, чтобы народ не заподозрил подмены, он покрывал свое лицо во время беседы с людьми, сославшись на то, что от лица его исходит сияние, которое может напугать людей. Вместо разбитых скрижалей он показал людям новые, на тех, разбитых, было начертано: «Бог – есть любовь», а на тех, что были даны взамен: «Око за око – зуб за зуб».

С той поры и исчисляется время утраченных истин. Людям позволено выбирать между одной и другой ложью, истина скрыта от них. Бог открывал истину Христу, Магомету

и Будде, но находились те, кто извращали учение пророков, они узаконили рабство на Земле, объявив всех людей рабами Божьими. Люди разделены на элиту и толпу, но ни толпа, ни элита не обладает истинным знанием. Смысл жизни перевернут с ног на голову – человек потребляет для того, чтобы жить, но если смысл жизни скрыт, то все меняется местами – человек живет для того чтобы потреблять, получать удовольствие от еды, выпивки, секса, зрелищ, роскоши, и так далее. Те, кому это доступно в полном объеме – составляют элиту, класс господ, остальные – это толпа, рабы. Но потребительское отношение к жизни ведет человечество в тупик, с ростом производства растет и потребление, причем растет безгранично.

Еще на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков Томас Мальтус заметил, что народонаселение растет в геометрической прогрессии, а производство товаров потребления – в арифметической. Рано или поздно наступит предел, планета не сможет прокормить человечество.

Элита поняла, что уже сегодня возможности Земли прокормить шесть миллиардов населения подходят к концу, и всполошилась. Они организовали, так называемый, Римский клуб, основателем которого считается вице-президент фирмы «Оливетти» Аурелио Печчеи. Исследования, проведенные по их заказу, показали, что существовать безбедно, продолжая тенденции неограниченного потребления, может на Земле на более одного миллиарда человек, остальные об-

речены на вымирание от голода и нехватки энергоресурсов. Так возникла теория «золотого миллиарда». Нужно искусственно ограничить рост населения, предоставив представителям элиты возможность безграничного потребления, объединить общей системой США, Западную Европу и Японию, а остальные страны использовать лишь в качестве сырьевых придатков.

– А если народы этих стран не согласятся с отведенной им ролью? Тогда что, опять война?

– Локальные войны и так идут беспрерывно, но они не решают проблемы в целом, а мировая война с изобретением ядерного оружия – просто бессмысленна, в этой войне не будет победителей. Но военное оружие – это еще не все. Есть и другие, например, генетическое. Табак, алкоголь, наркотики, генетически модифицированные продукты. Военное оружие убивает только воюющее поколение, генетическое закладывает программу деградации личности на несколько поколений вперед. Народ, потребляющий более восьми литров алкоголя на душу населения обречен на деградацию, в России сейчас потребляют более двадцати. Смертность превышает рождаемость. Вот вам и решение проблемы народонаселения не военными средствами.

Есть и психологическое оружие – это музыка, кино, телевидение, средства массовой информации. Музыка действует непосредственно на подсознание, минуя сознание, тяжелый рок разрушает психику человека, и именно его так усилен-

но внедряют в жизнь молодежи. Пропаганда секса, насилия, потребительского отношения к жизни звучит с экранов телевизоров и кино, проводится в печати, в литературе, в рекламе, во всем, что человек может увидеть и услышать.

Если человек ежедневно выпивает хотя бы одну бутылку пива, курит, смотрит сериалы, слушает тяжелый рок, он постепенно теряет свои человеческие качества и превращается в рабочий скот, в зомби, в биоробота. Ему уже не до поиска истины, ему нет дела до проблем человечества, ему нужно только одно – пива и зрелищ, остальное его не волнует.

Сейчас все направлено на то, чтобы лишить человека личностных качеств, сделать из него некий биологический механизм для производства продуктов потребления, не способный думать, принимать решения и восставать против своих хозяев. Пропасть между элитой и толпой растет, дальше работает наследственность, из черни никогда не родится князь. В Индии сейчас около четырехсот миллионов людей живут не просто за чертой бедности, они живут хуже бродячих животных. Это низшая каста – «маленькие люди», у них нет имен, нет работы, нет жилья. Но ни один борец за «права человека» ни одним словом не обмолвился об их существовании, никто не вступился за их права. Это идеал будущего общества: элита и безликая толпа, то к чему ведет теория «золотого миллиарда».

Несколько минут на том свете

Время шло. Проходили дни за днями. Каждое утро ходил я в кафе, в котором все повторялось, так же как и прежде. Все так же тихо играла музыка, все те же посетители сидели за столиками, все так же вели свой бесконечный спор два капитана. Но женщина в красном больше не появлялась.

На этот раз я решил не опаздывать на завтрак. Я собирался и думал, чем бы заняться сегодня, когда раздался стук в дверь. Я открыл, на пороге стояла та самая медсестра, которая встретила меня в этой клинике.

– Доброе утро! Собирайтесь, я провожу Вас к доктору!

– Что-то случилось? – удивился я. Я уже привык к тому, что был предоставлен сам себе, а тут, вдруг, меня собирается принять доктор!

– Ничего не случилось, просто Ваш лечащий врач, хочет побеседовать с Вами.

Ничего не ответив девушке, я последовал за ней. Кабинет, в котором ждал меня доктор, находился тут же, в здании гостиницы. Была ли это гостиница или лечебный корпус, я точно определить не мог.

– Заходите сюда, – сказала мне медсестра, указав на дверь, и решив, что на этом ее миссия окончена, не сказав ни слова более, удалилась. Я вошел, и увидел довольно просторный кабинет. Прямо напротив двери, у окна находился стол, за которым восседал доктор, лет тридцати, брюнет с выражением лица опереточного героя-любовника. Аккуратно по-

стриженные усы не опускались ниже верхней губы, из-под белого халата был виден воротничок рубашки, идеально белый, тщательно накрахмаленный.

– Здравствуйте, Сергей Николаевич! – приветствовал меня доктор, как старого знакомого. – Садитесь, как мы себя чувствуем? – он протянул мне руку. – Доктор Розенберг, Иван Семенович, ваш лечащий врач. Правда, лечения, как такового, практически нет, скорее я Вас наблюдаю, а не лечу. Да, и лечить-то Вас вовсе не нужно, поверьте мне, Вы абсолютно здоровы, просто некоторое время нужно за Вашим состоянием понаблюдать, да и некоторые Ваши навыки восстановить.

Слова лились из него, как из динамика магнитофона, работающего на повышенной скорости воспроизведения. Манерой выражать свои мысли он и впрямь напоминал опереточного актера.

– Как себя чувствуем? Что беспокоит, как сон, аппетит? Надеюсь, здесь Вас уже не преследуют ночные кошмары?

– Да, вроде бы все нормально, кошмары действительно сейчас не так мучают. Но, совсем недавно, со мной произошел довольно странный случай. Понимаете, на пустой, совершенно пустой улице, я угодил под грузовик. Причем, переехал он меня колесами так, что живым остаться я не мог. Но, когда утром очнулся, то не было никакой боли, никаких повреждений на теле!

– Да, не может быть! – доктор рассмеялся. – Это обычный

комплекс пациента: бывает, палец порежут, а считают, что все, конец, даже сознание теряют. Повезло Вам, голубчик! Невероятно повезло! Шофер успел затормозить прямо перед Вами, не причинив Вам никакого вреда! А Вы в оброк упали, нервы не выдержали. Я тогда на скорой дежурил, выезжал на место происшествия. Еще чуть-чуть, и все могло бы обернуться для Вас не столь благополучно!

– Но, я почувствовал удар бампера по голове, была страшная боль, потом... – Я вспомнил о следе протектора на рубашке, но промолчал. Что-то не то, совсем не то, почудилось мне в напускной веселости доктора.

– Ну, дорогой Вы мой, почувствовали Вы то, чего ожидали. Вы ждали удара, вот его и ощутили. Все это, знаете ли, особенности нашей психики, мой друг, и не более! Существует только наша мысль, голубчик, только мысль и ничего более. Именно мысль вызывает у нас ощущение боли, страдания, радости, счастья.

Я хотел спросить его о той женщине, которая погибла под колесами трамвая, но на следующий день живая и невредимая сидела в кафе, за столиком напротив меня. Но понял, что ответа я не получу, скорее всего, он убедит меня, что все это произошло только в моем воображении. А может быть, это и в самом деле, было все именно так?

– А, теперь, – сказал доктор, – мы должны приступить к тренировкам. Психологическая реабилитация, знаете ли, заключается не только в том, чтобы избавить Вас от ночных

кошмаров. Вам нужно еще и восстановить утраченные навыки, скорость реакции, и так далее. Надеюсь, Вы уже достаточно отдохнули, а теперь приступим к работе, к серьезной работе! Идемте за мной в тренажерный зал.

В тренажерном зале я увидел центрифугу, именно такую, на которой проходят тренировки пилоты истребительной авиации и космонавты для адаптации организма к перегрузкам.

– Ну, как? Знакома Вам такая карусель?

– Вполне.

– Вот, и ладненько! Тогда садитесь, начнем работать. Все просто: загорается лампочка – нажимаете кнопку. А я буду постепенно увеличивать перегрузку.

Я занял свое место и приготовился к работе. С первого взгляда, кажется все просто, но это совсем не так. Чем больше перегрузка, тем сложнее следить за загоранием ламп. Автомат фиксирует время реакции и количество пропущенных операций.

– Готовы? Ну, тогда, как говорил Юрий Гагарин, – поехали! Доктор включил центрифугу.

Сперва перегрузка была небольшой, я вовремя нажимал на кнопки при загорании лампочек. Двукратную перегрузку переносит нормально любой здоровый человек, даже не подготовленный. Дальше – хуже. Чем выше перегрузка, тем труднее поднять руку, чтобы дотянуться до кнопки, когда перегрузка доходит до пяти, кровь отливает от мозга и начи-

нает темнеть в глазах.

Я уже стал пропускать некоторые сигналы, не успевал поднять руку, в глазах темнело, по лбу катился градом пот, а перегрузка росла. Последний раз я проходил такую тренировку еще тогда, когда летал на истребителях, в транспортной авиации у нас этих тренажеров не было. За это время привычка к работе в таких условиях была утрачена. По результатам, которые выдала машина после тренировки, я не дотягивал даже до «троечки».

– Ничего, – успокоил доктор, – для первого раза вполне неплохо! Сейчас идите, отдыхайте, а завтра продолжим. Жду Вас здесь, в это же время.

Я доплелся до своей комнаты, и обессиленный свалился на кровать.

Тренировки продолжались изо дня в день, кроме центрифуги, были и другие тренажеры, развивающие мышцы, вестибулярный аппарат, укрепляющие психику. Нагрузки постепенно увеличивались. Меня уже перестали мучить по ночам кошмары, не терзали вопросы о загадочных происшествиях в этом городе. Идя по улицам, я уже не замечал прохожих, так же как и они не замечали меня. Даже старик, сидящий на скамейке в парке, меня больше не интересовал. Он был прав, я привык к этому городу, и ничего в нем не казалось мне необычным. Но однажды произошло то, что заставило меня серьезно задуматься.

Была обычная тренировка на центрифуге. Я уже окон-

чательно выбился из сил, но перегрузка продолжала расти. В глазах потемнело, сознание угасло, как догорающая свеча, наступила полная тьма и небытие. Потом я увидел, откуда-то сверху, свое неподвижное тело, распластанное на столе, к которому были подключены какие-то трубочки и провода. Два доктора склонились надо мной. Одним из них был мой лечащий врач, доктор Розенберг, другой был мне не знаком. Это был немолодой, лысеющий человек. Лица его я рассмотреть не мог, сверху мне отчетливо была видна лишь его лысина. Он выпрямился, посмотрел на Ивана Семеновича, и начал его распекать.

– Что Вы наделали, доктор? Вы явно перестарались! Такие перегрузки не дают даже космонавтам! В результате – остановка сердца! Вы испортили материал! Да, с Вами просто невозможно работать!

– Но, я каждый раз увеличиваю перегрузки, Вы же знаете. Просто материал оказался не пригодным к дальнейшей работе. Он и первоначальный тест, с автомобилем, не прошел с первого раза. Никакой реакции, полная растерянность, его раздавило как котенка! Не стоило его брать в работу!

– Стоило или не стоило – это мне решать, а не Вам! Не все с первого раза проходят тест! Но, после клонирования, он тест прошел, и довольно успешно! А, сегодняшняя остановка сердца – это результат Вашей полной безответственности!

– А, может быть, клонируем его еще раз?

– Что? Да, что Вы несете?! Вы, хоть что-то соображаете,

доктор? Да, представляете ли Вы себе, сколько это все стоит? Вы бездарный, безответственный человек! Вы меня просто разорите! И зачем только я взял Вас в клинику! Выгоню! Выгоню, к чертовой матери! Пойдете работать фельдшером в районную поликлинику! Нет, санитаром! Да Вас, вообще, к медицине и близко подпускать нельзя!

Доктор Розенберг стоял молча, низко понутив голову. От его былой самоуверенности не осталось и следа.

– Короче так, доктор, – подвел итог незнакомый мне врач, – если не запустите сердце, материал списываю, а Вас увольняю! Да, что же Вы стоите как студент, потерявший шпаргалку? Принимайте меры, а то будет поздно! Что, я должен за Вас все делать?!

Сознание возвращалось ко мне, нарастало ощущение тяжести тела, вместе с болью и усталостью. Я открыл глаза и увидел озабоченное лицо Ивана Семеновича, склонившееся надо мной. Кроме него, в кабинете больше никого не было.

– Ну, наконец-то, пришли в себя! – облегченно вздохнул доктор.

– Что случилось со мной, – спросил я, – что это было?

– Ничего, ничего страшного. Просто Вы переутомились, потеряли сознание. Нужно немного отдохнуть. Идите к себе, отдыхайте – и сегодня, и завтра. Потом продолжим физические тренировки, но в более облегченном режиме.

Я вернулся в свою комнату и лег на кровать. Что же все-

таки произошло? Действительно, остановка сердца? Значит, некоторое время, я был мертв? Клиническая смерть? Мне не раз приходилось читать и слышать, что иногда, люди в состоянии клинической смерти, видят свое тело, как бы со стороны. Но со мной такого еще ни разу не происходило. Что это: сон, или бред угасающего сознания? Они что-то говорили о клонировании, неужели меня клонировали? Тогда, когда я попал под машину? Значит, меня действительно раздавил грузовик? Клонирование, клонирование... Бред какой-то! Все, что я когда-то слышал о клонировании, никак не соответствовало тому, о чем говорили эти люди. Да, где-то, то ли в Англии, то ли в Америке, ученые клонировали овцу. Но об опытах с людьми мне ничего слышать не приходилось. Мои скудные сведения о клонировании, основанные на информации из телевизионных новостей и заметок в газетах, сводились к тому, что на основе клетки можно вырастить копию живого организма, но чтобы сразу, так, получить дубль погибшего человека? О таком слышать мне еще не приходилось.

Если то, что я услышал, находясь между жизнью и смертью, а может быть после смерти, правда, то что же все-таки происходит в этой клинике?

Искушение ангела смерти

Вскоре физические тренировки закончились, вернее они продолжались, но не так интенсивно, и с меньшими нагрузками. Основное время стали занимать занятия на авиационном тренажере. Но это был не настоящий тренажер, сделанный на основе кабины реального самолета. Это была компьютерная программа, моделирующая полет. Я сидел перед экраном монитора и, держа в руках джойстик, вместо штурвала, пилотировал летательный аппарат, который представлял собой всего лишь компьютерную модель.

Но это был не Ил-76, на котором я летал, а американский транспортник «Геркулес», С-130. Мой инструктор, подполковник авиации, сказал, что более подходящей модели в компьютере просто нет. Я взлетал с различных аэродромов, вел самолет по маршруту, садился в сложных метеорологических условиях, выполняя разнообразные задачи, которые ставил мне инструктор. Аэродромы эти располагались где-то в Африке, в Азии, и еще черт знает где, но только не в России. На мой вопрос, а нет ли здесь наших аэродромов, он только пожал плечами:

– Ничего не могу сказать, программа-то, американская.

Время шло, задачи усложнялись, и, хотя я не слишком доверял реализму компьютерного тренажера, выполнить их порой было не так уж просто. Я вновь и вновь мысленно возвра-

щался к обстоятельствам катастрофы, которая привела меня сюда. Поскольку доступ к компьютеру, где была программа тренажера, мне никто не ограничивал, то в свободное время я находил наиболее подходящие аэродромы, и пытался снова и снова смоделировать тот роковой полет.

Скрупулезные расчеты и анализ различных вариантов показали, что ни при каких обстоятельствах при построении прямоугольного маршрута, я бы не успел посадить самолет. Даже при разворотах с креном 45 градусов, и высоте менее 50 метров над горами, самолет бы развалился на прямой перед самой полосой еще до высоты принятия решения⁹. Остался единственный вариант – это посадка обратным курсом. Посадка вслепую, без средств радионавигации.

Разворот на девяносто вправо, потом на двести семьдесят градусов влево, и самолет окажется на посадочном курсе. Нужно только строго выдерживать постоянную скорость и крен. Но... Вот тут то и начинаются всякие «но», которые неизбежно приводят к ошибке.

Во-первых, разворот в сторону работающих двигателей выполняется медленнее, значит, радиусы правого и левого разворотов не будут одинаковыми. Погрешность можно компенсировать креном¹⁰. Крен правого разворота должен быть больше, чем крен левого.

---

⁹ Высота принятия решения – высота, на которой еще возможен уход на второй круг.

¹⁰ Чем больше крен, тем меньше радиус разворота.

Во-вторых, ветер, какого бы он ни был направления, превратит круг в эллипс. Где-то в процессе разворота следует увеличить, а где-то уменьшить крен. Но все равно, погрешность неизбежна. Хотя она и должна быть не слишком велика, точно выйти на посадочный курс не удастся. При нормальной видимости это не страшно, пару доворотов вправо, влево и мы на посадочном. Но видимости нет, нет и средств радионавигации.

Стоп! Почему же нет? Есть ведь приводные радиостанции¹¹ на противоположном курсе! Ближний привод становится дальним, а дальний – ближним. Но они расположены с другой стороны полосы, а нужны контрольные точки глиссады. Что же толку в этих приводах, если мы над ними не проходим! Все это так, но ведь створ посадочной полосы по ним определить можно. Можно, но ошибка даже на небольшой угол приведет к значительному линейному отклонению. Полградуса – сорок метров в сторону от полосы. Много.

Курсоглиссадная система¹² работает на противоположный

---

¹¹ Приводные радиостанции – радиостанция, установленная перед посадочной полосой, позволяющая осуществлять заход на посадку «по приводам». Обычно устанавливается радиостанция дальнего привода на расстоянии 4 км от торца посадочной полосы, и ближнего – на расстоянии 1 км от торца. Обе радиостанции снабжены маркерным передатчиком, позволяющим пилоту определить момент пролета маяка.

¹² Курсо-глиссадная система – система обеспечения слепой посадки, состоящая из глиссадного и курсового радиомаяков.

порог, но кое-чем помочь сможет. С глиссадой все ясно. Глиссадный маяк¹³ не спасает. А вот курсовой¹⁴ может пригодиться. Дело в том, что любая, даже узконаправленная антенна излучает два лепестка, один вперед, другой назад. Задний лепесток значительно слабее, но все-таки, мы должны его увидеть вблизи полосы. А раз увидим, то увидим все с точностью до наоборот. Если вертикальная стрелка прибора отклоняется вправо, то нужно будет повернуть влево, чтоб исправить погрешность. Вот и решение! На душе стало легче, оттого что правильное решение все-таки может существовать.

Я проверил эту методику на компьютерной модели. Первый заход оказался неудачным, я вышел правее посадочной полосы. Но после ряда попыток, я добился того, что при любом направлении ветра, и минимальной видимости я уверенно выходил на посадочный курс.

Время шло. И, хотя я по-прежнему не общался ни с кем, жизнь в городе стала казаться не такой уж невыносимой. Я уже привык к нему, к его обитателям, я узнавал их, мысленно здоровался с ними, желал удачи, скорейшего выздоровления и прочее. Затем я вообще перестал считать, что они

---

¹³ Глиссадный маяк – радиостанция, посылающая узконаправленный сигнал вдоль глиссады, для автоматического или ручного (на основании показаний приборов) удерживания самолета на глиссаде.

¹⁴ Курсовой радиомаяк – радиостанция, посылающая узконаправленный сигнал, по курсу посадки самолета, для автоматического или ручного выдерживания посадочного курса самолета.

больны. К каждому из них у меня сложилось свое, определенное отношение. Я искренне сочувствовал двум капитанам, любил как дочь девушку с вечно растрепанной прической, пробегавшую каждое утро мимо кафе, ненавидел грязного старика, собиравшего окурки на трамвайной остановке. Но больше всего я хотел увидеть ее, эту женщину в красном, не она ли была призраком моих видений и снов? Но она больше не появлялась, и я подумал, что неверное уже не увижу ее никогда.

Мы, жители этого города не знали ничего о том, что происходит в мире. У нас не было ни газет, ни телевидения, ни радио. Сперва меня это раздражало, но потом и к этому я привык. Я не знал, сколько мне еще придется прожить здесь, но со временем это перестало меня беспокоить. Я привык.

Так прошло лето, наступила осень. Тяжелые, низкие облака поплыли над городом. Ветер срывал желтые листья, кружил их по улицам, скверам и дворам. Косыми дождями занавесило горизонт, становилось холодно и печально. Кафе на улице закрыли, столики перенесли в помещение. В нем каждое утро собирались все те же посетители, все так же молча ели они свой завтрак, играла все та же печальная музыка, и вели свой нескончаемый спор два капитана. Но, несмотря на дождь, холод и ветер, на скамейке в сквере, в любую погоду, по-прежнему сидел старик.

Однажды, в полусонном бреду осенней ночи, я снова увидел ее. Она смотрела на меня сквозь оконное стекло долгим,

печальным взором. Слезинка дождя застыла на ее щеке. Она хотела что-то сказать, но не могла, и только смотрела сквозь стекло, грустными, полными печали глазами. Потом она повернулась и ушла. Она остановилась, обернулась, еще раз взглянула на меня, и растаяла в тумане осенней ночи. Она была похожа, и в то же время не похожа на ту женщину из кафе, еще мне казалось – что-то изменилось в ней, взгляд ее по-прежнему был печален, но не было в нем той безысходной тоски, как в ту ночь, перед роковым вылетом.

Я встал, подошел к окну. За окном шел дождь, монотонно завывал ветер, раскачивая тополь у балкона. Он обрывал пожелтевшие листья и, кружа их в каком-то неистовом танце, уносил во тьму. За окном была только сырость и мрак. В дверь постучали.

Впервые за время моего пребывания в этом городе кто-то постучал в мою дверь. До этого никто никогда ко мне не обращался, кроме доктора Розенберга и моего инструктора, но ко мне в комнату никто из них не входил. Не было ни стуков в дверь, ни телефонных звонков. Я сам несколько раз пытался позвонить, но мне никто никогда не отвечал. Возможно, мне это только показалось, и в дверь никто не стучал, но стук повторился. Я подошел к двери и, не спрашивая, открыл. На пороге стоял мой инструктор, подполковник авиации. Он вошел.

– Здравствуйте, Сергей Николаевич, – сказал он.

– Здравствуйте, проходите, – ответил я, – чем обязан?

– Извините, что беспокою Вас среди ночи, но нам срочно требуется Ваша помощь.

– И чем же я могу Вам помочь?

– Вы, наверное, уже знаете про землетрясение?

– Нет, ничего не знаю, ни газет, ни телевидения, ни радио у нас нет, так что не знаю ничего, что творится в мире.

– В горах Армении произошло землетрясение. Полностью разрушен город, пострадали близлежащие села. Мы подготовили самолет с ротой десантников для оказания помощи пострадавшим. Но случилось несчастье. По дороге на аэродром командир Ил-76-го, который должен сейчас вылетать, попал в аварию. Его только что отвезли в госпиталь, жизнь в не опасности, но за штурвал он сможет сесть не скоро.

– И чем же я Вам должен помочь?

– Но Вы же были командиром Ил-76-го!

– Вот именно, был. Я уже год не летал после катастрофы. Я не могу сесть за штурвал. Ввод летчика в строй после большого перерыва, особенно связанного с летным происшествием, – длительный и не простой процесс. Нужна серьезная подготовка. Это Вам не автомобиль – сел и поехал. Что у Вас нет другого экипажа?

– Ни другого экипажа, ни другого командира у нас нет.

– И самолет у Вас единственный в ВВС? Вызовите самолет с другого аэродрома!

– На это уйдет масса времени, а счет идет на часы, даже на минуты. Чем позже мы туда прилетим, тем меньше шан-

сов спасти тех, кто еще остался в живых.

– А как Вы расцениваете шансы угробить тех, кто должен лететь на помощь пострадавшим?

– Но Вы же опытный летчик, что Вы такое говорите!

– Потому и говорю, что опытный летчик. Я был летчиком, понимаете, был! Летчик должен летать, а я уже год сижу на земле! Я не могу лететь прямо сейчас, без подготовки. Вы же авиатор, должны понимать, что пилот без постоянной практики теряет свою квалификацию.

– У нас многие пилоты не имеют той летной практики, которая необходима. С тех пор как Вы последний раз сидели за штурвалом, многое изменилось. Самолеты стоят на земле. Нет горючего. Каждый вылет, это событие. Летные училища выпускают офицеров, пилотами их назвать нельзя, они не имеют ни единого часа налета! Мы с таким трудом собрали этот экипаж, нашли единственный самолет с ресурсом, и на тебе! Командир едет на аэродром, спешит, его заносит на скользком повороте, машина переворачивается, и он с сотрясением мозга оказывается в госпитале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.